

An impressionistic painting of a street scene. On the left, a white building with a blue doorway is visible, with two figures standing in the entrance. The street is paved with light-colored stones. On the right, a large, colorful archway or bridge structure dominates the scene, rendered with thick, expressive brushstrokes in shades of pink, purple, blue, and red. The overall style is highly textured and vibrant, with a focus on color and light.

Школа
поэтов

**Школа поэтов. Сборник стихов
мастеров и слушателей Зимней
школы поэтов в Сочи – 2023**

«Алетейя»

2024

Школа поэтов. Сборник стихов мастеров и слушателей Зимней школы поэтов в Сочи – 2023 / «Алетейя», 2024

ISBN 978-5-00165-782-8

В сборник вошли стихи мастеров и семинаристов Зимней школы поэтов, состоявшейся в Сочи в рамках программы XVI Зимнего международного фестиваля искусств Юрия Башмета в феврале 2023 года, а также комментарии мастеров о совместной работе с молодыми поэтами.

ISBN 978-5-00165-782-8

, 2024

© Алетейя, 2024

Содержание

«В начале жизни школу помню я...»	5
Наставники о семинаре	8
Дмитрий Воденников	8
Ольга Сульчинская	9
Стихи семинаристов	11
Александр Аносов, 1988 г. р., Уфа	11
«Четвёртый десяток...»	11
«Погладь меня по спине...»	11
«хочется в этой любви заянтариться...»	11
Лилия	12
Мария Большакова, 1998 г. р., Москва	13
«Твой запах повсюду...»	13
«Твой запах повсюду...»	15
«женское тело продолжается ребёнком тело поэта	15
продолжается...»	
Михаил Войкин, 1989 г. р., Красногорск (Московская обл.)	16
«Как фамильное уродство...»	16
«После сотворения мира каждая космическая Мама...»	16
«Тебя не стало навсегда...»	17
«Туда, где жизнь темным-темна...»	17
Великий кастрик	18
Екатерина Кудакowa, 1987 г. р., Королёв (Московская обл.)	19
Согревшись	19
«А в лесу...»	19
Обожжёнными пальцами	19
Открытка	20
Ожидание	21
Стас Мокин, 2004 г. р., Сатка (Челябинская обл.)	22
«сыпал сыпал сыпал снег...»	22
«человек спросил у бога...»	22
«зима зима...»	22
«в наши скорбные дали...»	23
««тебя все бросили умри и тчк»...»	23
«не грусти мой милый отрок...»	24
Анастасия Палихова, 1998 г. р., Калининград	25
«помню...»	25
«мой папа курит с пятнадцати лет...»	25
«алла витальевна лезет в петлю...»	26
«у меня есть карманный зверёк...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Школа поэтов. Сборник стихов мастеров и слушателей Зимней школы поэтов в Сочи – 2023

«В начале жизни школу помню я...»

Можно ли научить поэзии? Этот вечный и почти риторически не имеющий позитивного ответа вопрос при ближайшем рассмотрении раскладывается, подобно пасьянсу, на несколько других, – более частных и дробных. Реально ли выучиться читать, «слышать» и понимать стихи? Возможно ли развить навык рассуждений о лирике, анализа стихотворений? И наконец – правильно ли уповать на обретение поэтического дара (либо его оттачивания) под руководством опытного наставника? Все эти задачи – не скажу, что гарантированно *решаются*, но точно – *ставятся* перед всеми участниками проекта Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля под названием «Зимняя школа поэтов». Впрочем, рассказ необходимо начать издалека.

В 2017 году Дмитрий Гринченко, исполнительный директор Зимнего международного фестиваля искусств под артистическим руководством Юрия Абрамовича Башмета пригласил ГМИРЛИ имени В. И. Даля к участию в фестивале, по праву завоевавшем уже в те годы общеевропейскую популярность и авторитет. Участие литературного музея в музыкальном фестивале – событие не очень-то очевидное, по крайней мере, многим так казалось в начале наших славных совместных дел.

Состоялись несколько подробных обсуждений – и общий знаменатель для взаимодействия был найден. Во-первых, фестиваль в самом своём названии несёт более широкую культурную проблематику, выходит далеко за пределы музыкальной культуры. Во-вторых, и ГМИРЛИ имени В. И. Даля – тоже не просто литературный музей, но (и это явствует из названия!), музей *истории литературы*. В нашей работе на первом плане оказывается взаимодействие словесности как таковой – с книжной культурой, издательскими практиками и, разумеется (через театральные инсценировки, книжные иллюстрации, оперные постановки), – с театром, живописью, графикой, музыкой и другими искусствами.

Синтез искусств, их современное взаимодействие – эта проблематика изначально находится в фокусе внимания сочинского (а с недавних пор – и московского!) башметовского фестиваля. Та же задача постоянно ставится и решается в проектах флагманского литературного музея России, – в частности и в особенности в стенах его старейшего выставочного центра – Дома Ильи Остроухова в Трубниковском переулке, д. 17. Сам Илья Остроухов – художник, искусствовед, коллекционер, создатель богатейшего частного музея, многолетний директор Третьяковской галереи – живое олицетворение синтетического подхода к взаимодействию искусств, который возник на благодатной почве культуры Серебряного века.

Программа участия музея в Фестивале искусств год от года варьировалась, расширялась, становилась разнообразнее. Впрочем, в центре всегда находился Турнир поэтов, традиционно проходивший под занавес фестиваля на одной из его главных площадок. Организаторы намеревались соединить поэзию с концертным жанром и с принципом состязательности. В Москве уже несколько десятилетий реализуются проекты, связанные с публичными поэтическими чтениями – в литературных кафе, музеях, театрах, а ещё раньше (в шестидесятые годы) стихи читали на открытых площадках: стадионах, на площади Маяковского....

Сочинский Турнир поэтов по-своему уникален, поскольку в нём есть состязательная составляющая. Конечно, стихотворческие соревнования бывали (и продолжают!) в 1990–2000-е и в Москве (популярные слэмы, премия «Живая вода», состоявшийся уже более десяти лет назад Открытый командный чемпионат по поэзии), а ещё раньше – в 1960-е и 1970-е – в обеих столицах¹. Но это были баталии в свободном интерьерном антураже, в кафе и клубах, а в Сочи участников ждал взаправдашний концертный зал, с билётёрами и программками. Следует подчеркнуть, что инициаторы и вдохновители Турнира в большей степени ориентировались вовсе не на традицию стадионных чтений эпохи оттепели. В основе проекта лежали события, происходившие гораздо раньше, в 1920-е годы – в Крыму, в знаменитом Доме Максимилиана Волошина в Коктебеле. В те времена бывало так, что с утра многочисленным насельникам Дома задавалась тема, которую желающие могли использовать для написания стихотворения и дальнейшего участия в поэтическом соревновании².

Год от года регламент сочинского Турнира поэтов изменялся, варьировался, по ходу дела ставились эксперименты. Неизменным оставалось количество участников (восемь), формат выступлений в два тура (во втором оказываются трое из восьми соревнующихся), а также жюри, состоящее из трёх человек – лингвистов и литературных критиков, пишущих о поэзии. В начале реализации проекта поэты в своих выступлениях первого тура должны были читать абсолютно новые стихотворения, специально написанные к Турниру, да ещё непременно содержащие некие музыкальные ассоциации, намеки на конкретных композиторов и/или на точно подразумеваемые произведения. А во втором туре к поэтам присоединялись молодые композиторы, участники музыкальных школ, входящих в программу фестиваля. Каждое стихотворение во втором туре читалось с оригинальным музыкальным сопровождением, публике всякий раз представлялись двое: автор стихов и композитор-аккомпаниатор. В итоге один из поэтов-участников по решению жюри объявлялся победителем. Своё собственное право голоса имеют и все присутствующие в зале, по итогам их голосования определяется обладатель приза зрительских симпатий.

Решение включить в дело молодых композиторов – логически привело к ещё одному расширению нашего проекта, а именно – к учреждению Зимней школы поэтов. Каждый год восемь поэтов, участвующих в Турнире, делятся на пары и в течение нескольких дней до главного состязания занимаются с небольшими группами молодых стихотворцев. Эти занятия увлекательны, даже захватывающи: встречаются люди из разных регионов, под руководством опытных мастеров делятся друг с другом собственными исканиями и открытиями, разбирают (порою взыскательно и даже придиричиво) тексты друг друга. В каждом из четырёх мастер-классов оказываются поэты, прошедшие непростой творческий конкурс, понимающие ответственность происходящего для их последующей профессиональной судьбы.

За прошедшие восемь лет в Турнире принимали участие много прекрасных поэтов, принадлежащих к разным поколениям и стилистическим направлениям. Среди них Максим Амелин и Анна Аркатова, Марина Бородинская и Мария Ватутина, Елена Иванова-Верховская и Юлий Гуголев, Дмитрий Данилов и Николай Звягинцев, Елена Исаева и Григорий Кружков, Алексей Кубрик и Инга Кузнецова, Вадим Месяц и Александр Переверзин, Амарсана Улзытуев и Санджар Янышев, а также другие замечательные современные поэты. Всем им, а также членам жюри разных лет Максиму Кронгаузу, Владимиру Новикову, Александру Пиперски, Артёму Скворцову я выражаю сердечную и безмерную благодарность. Также от души бла-

¹ Лев Лосев пишет о турнире поэтов, состоявшемся в Ленинграде, во Дворце культуры имени А. М. Горького у Нарвских ворот 14 февраля 1960 года (Лосев Л. Щит Персея // Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2-х т. СПб.: Изд-во ИРЛИ РАН; Вита Нова, 2000. с. 21). Значительное количество мемуаристов говорят о том, что в конце 1970-х годов в Москве королём поэтов был признан Александр Ерёмченко.

² См., например, комментарии В. Перельмута к книге: Шенгели Г. А. Иноходец: Собрание стихов. М.: Совпадение, 1997, с. 497.

годарю заведующую отделом ГМИРЛИ имени В. И. Даля «Дом И. С. Остроухова в Трубниках» Марину Краснову, без деятельного организационного таланта которой проект не мог бы существовать так долго и стабильно. Наконец – моя безмерная благодарность исполнительному директору Зимнего международного фестиваля искусств Дмитрию Гринченко, постоянно побуждающему нас не стоять на месте, думать о развитии. В нынешнем году крупнейшей новацией как раз и станет издание настоящей книги, которая составлена и подготовлена к печати поэтами и известными культур-менеджерами Данилом Файзовым и Юрием Цветковым по инициативе и при деятельном содействии главного редактора издательства «Алетейя» Игоря Савкина. Всем им моя дружеская и профессиональная признательность. В книгу вошли стихи участников.

Хочу подчеркнуть, что, наряду с признанными мастерами – Дмитрием Воденниковым и Ольгой Сульчинской, Ириной Ермаковой и Геннадием Калашниковым, Натой Сучковой и Данилом Файзовым, Дмитрием Тонконоговым и Юрием Цветковым, в книге представлены и стихи слушателей Зимней школы поэтов, которая состоялась в Сочи феврале 2023 года. Всем им остаётся пожелать выбрать свою подлинную творческую дорогу.

*Дмитрий Бак,
директор Государственного музея истории российской литературы имени В.
И. Даля*

Наставники о семинаре

Дмитрий Воденников Всё получилось

Я часто замечал, что люди, которые в обязательном порядке рифмуют и держат тот или иной ритм, часто в стихах врут. Врать спокойно можно и в верлибре – вон их сколько в Сети и в книгах. Но там хотя бы враньё от невозможности себя раскопать, вытянуть мысль (не всегда приятную, но необязательно: текст может быть очень чистым – главное, чтоб он был чистым и по звуку, иногда специально запинаящемуся; в конце концов, признание тоже бывает сбивчивым, это не отменяет саму суть признания). А в регулярном – чаще всего от невозможности преодолеть инерцию именно текста.

Но и в том, и в другом случае текст обнажает всю несмелость автора.

Мне понравилось в работе семинара, что его участники пытались (а чаще всего даже не пытались, есть в этом слове какая-то унижающая модальность: дескать, пытались, значит, не вполне получилось) следовать иногда не себе, а тексту. Потому что текст чаще лучше нас знает, что он должен проговорить. Мы только мешаемся ему, навязываем свою логику. А наша задача – правильно услышать, что именно текст нам хочет сказать.

Ольга Сульчинская И другие рифмы

Я не люблю верлибр. Не доверяю ему. Но я вынуждена признать, что рифма бывает 1) смысловая, 2) образная и 3) не только в конце строки.

Вот Александр Аносов вспоминает *редкое* слово, обозначающее *редкое* атмосферное явление – круговую радугу вокруг солнца и луны, и обращается с ним к возлюбленной. И коннотация редкости, исключительности удваивается и тем сгущается, чтобы тут же вылиться в денотативную сему буквально в следующем слове:

...ты – гало,
краснокнижная ловчая птица...

Мало того, что второе ударное «ло» в середине строки запело, откликнувшись первому в конце предыдущей, так ещё и смысл «редкости», который только подразумевался, теперь, в прилагательном «краснокнижная» выведен на первый план – и немедленно использован для построения парадокса. Ведь «ловчая птица» – хищница, убийца. Но раз в Красной книге, значит, она – редкостный, драгоценный, вымирающий вид, требующий бережности и охраны. Смыслы раскрываются, распаковываются постепенно, играют друг с другом и выливаются в эмоциональное заключение, одновременно и неожиданное, и логичное.

Ещё одно такое постепенное раскрытие увидим в стихотворении Анастасии Палиховой, которое, на первый взгляд, сама невинность – ах, малышка и цыплятки! А затем умилительная эта картинка вдруг обретёт дополнительный ракурс, и чуть ли не с каждой строчкой будут открываться новые повороты смысла, нешуточная любовь и гибель, и прозрения о прошлом превратятся в пугающее предчувствие будущего.

Почти ту же мысль о хищной природе обладания, но выраженную в более резких образах, мы обнаруживаем в «египетском» послании Екатерины Кудакowej:

...и погибнут священные крокодилы,
если они попробуют защитить тебя
от моей любви.

...Принесённые в одно пространство, прочитанные в нём, стихи актуализируют неожиданные интертекстуальные рифмы. Это и есть основное чудо семинара, как мне представляется, – переключка мыслей, «игра в бисер», возбуждение энергий, рождающихся от соприкосновения разумов и миров, ими порождённых.

Не могу сказать, что я от всего в восторге и даже что я всё понимаю. Например, не всё мне ясно с «выемкой зданий», которой можно разговаривать, в стихотворении Ксении Пройдисвет. Но плотность и внутренний ритм её письма меня увлекают.

Цикл из двух частей Марии Большаковой мне бы, хотелось разбить на более мелкие произведения. Вот отрывок:

У меня вдруг перехватило дыхание,
потому что я представила,
что у тебя могут быть дети,
которых рожу не я.

Для меня это состоявшееся стихотворение, а апелляция к библейскому сюжету уже избыточна. Не обязательно всё на свете сводить к архетипам! Чуть было не сказала, что её произведения многословны, но в них чувствуется упоение миром, который хочется запечатлеть во всех подробностях, и упоение словом, которое для этого удаётся найти.

На сладкое я оставляю тех – всего двоих – двоих участников семинара, которые не пренебрегают старой доброй силлаботоникой. Это Михаил Войкин и Стас Мокин.

Совсем уж случайную рифму в именах я склонна принимать как ещё одно проявление той синхронистичности, которая то и дело осеняла наши сочинские штудии. Этих двух авторов роднит также мрачновато-иронический взгляд на мир. Но Стас Мокин использует как приём наивность, дурашливость. А Михаил Войкин при всей иронии не теряет серьёзности, оттого его печаль, без которой редко обходится лирическая поэзия, выглядит глубже и безысходней.

Стихи семинаристов

Александр Аносов, 1988 г. р., Уфа

«Четвёртый десяток...»

Четвёртый десяток.
Чему удивиться?
Тебе.
Ты – галб,
Краснокнижная ловчая птица.
И нет желанья
Спасть.

«Погладь меня по спине...»

Погладь меня по спине,
Как в детстве мама.
Она мне снилась
Молодая.

И если завтра я рано не встану,
Знай, это руки
Не мамыны,
А твои.

«хочется в этой любви заянтариться...»

хочется в этой любви заянтариться
личинкой, жуком, жар-птицей,
динго, волчком, лисицей —
кем-нибудь, но насовсем.
пусть удлинится день,
а ночь обернётся ситцем...
и будет она очевидцем
тому, как две тени в одну
превращаются тень.

Лилия

по кирпичам моей памяти
прыг-скок, чик-брик.
всем, кого помню,
находятся оправдания.
и тебе найдётся,
призрак замка купца первой гильдии.
где-то себе в аду
улыбается Лилия,
Лиля Фрик.

так и здесь
в бесконечном молчании
твоём
столько Лилиных линий.
ими можно метро устелить
до Сокольников,
до соколиков
семижилых —
ни одним из них мне не быть.

не закончится мой запас тепла.
и за mute не бьют,
и печаль светла,

но сколько же Лилиных учеников,
будто ад уже недалеко.

Мария Большакова, 1998 г. р., Москва

«Твой запах повсюду...»

1

Ночь черна и приморска,
выскочив из кровати, я беру
всё съедобное, что у меня есть (одно яблоко),
чтобы принести тебе,
потому что ты написал, что голодный.

Пьяная от бессонницы
по камням и песку,
я, шатаюсь, бегу,
прикрываю ночнушку кофтой
и сама не понимаю,
какого чёрта я делаю.
Наверное, Ева с такой же безумной улыбкой
несла своему Адаму запретный плод.
Думала ли она, что из этого выйдет?

Женщина просто хотела порадовать мужчину,
ведь она любила его.
А может, и нет.
Просто у неё не было выбора.
У меня был, но моя любовь
посадила меня зачем-то к тебе в автобус.
А когда говорит любовь, даже законы молчат,
потому что любовь – то же оружие.

Что было бы, если б Адам отказался?
Я не знаю, но я уверена,
что сейчас я не сидела бы перед тобой,
любуюсь тем, как ты ешь это мелкое кислое яблоко,
слишком безвкусное,
чтобы назваться запретным плодом.

2

У меня вдруг перехватило дыхание,
потому что я представила,

что у тебя могут быть дети,
которых рожу не я.
И в этот самый момент
в книге
строка «Адам не выбрал Еву»
вонзилась в мои глаза,
как спицы в зелёный клубок.

Я всё знала,
я знала тебя от и до.
И я видела фото, где девушка
обнимает дерево,
а ты за кадром,
но фотография всё равно передавала
твой влюбленный взгляд,
потому что ты талантливый оператор.
Мне хватило секунды,
чтобы почувствовать всё,
что нужно было
почувствовать мне тогда.
Август только начинался,
я запретила себе влюбляться,
глядя на фото девушки,
обнимающей дерево.

Но когда в календаре я увидела
смешное сочетание слов «яблочный спас»,
я поняла:
вот уже две недели я люблю так,
что готова в ночи
бежать к тебе куда угодно
по остывающим камням
с чёртовым яблоком

вопреки всем богам,
особенно тому,
который так хотел,
чтоб я рожала в муках,
потому что Ева
откусила что-то не то.
Но ведь он сам
создал женщину любопытной.
И я решила забыть всё, что видела:
и девушку, и дерево, и то, что за кадром
(твой влюблённый взгляд
и сколько-то ваших лет вместе) —
во имя нашей с тобой любви.

Но Адам не выбрал Еву.

А я никогда не любила яблок.

«Твой запах повсюду...»

Твой запах повсюду,
но кофе стоит недопитый,
холодный и мутный.
А я бесконечно смотрю
в эту синюю чашку,
пытаясь увидеть на дне
твое отражение —
быть может,
оно там осталось
на пару часов,
чтоб помочь мне,
тебя наконец разглядев,
закончить последнюю строчку,
напомнив, что каждый мужчина —
только стихотворение.

«женское тело продолжается ребёнком тело поэта продолжается...»

женское тело продолжается ребёнком
тело поэта продолжается стихами
тело женщины создаёт стихи
тело поэта создаёт ребёнка
поэт становится женщиной
женщина становится поэтом.

я бесплодна

Михаил Войкин, 1989 г. р., Красногорск (Московская обл.)

«Как семейное уродство...»

Я брату звонил, говорил о сиротстве, которое носит отец.

Как семейное уродство
и подобное дерьмо,
нас преследует сиротство.
Нас наследует оно.

Отменяя голубые
(голубой мечты) тона,
чтобы небо разлюбили
для земного – чёрного.

Это бремя смертоносца —
недосказанность потерь.
Мама больше не вернётся,
папа тоже будет с ней.

Он меня так крепко обнял,
словно отдан я в приют.
Если кто-то умер в доме,
в доме больше не живут.

«После сотворения мира каждая космическая Мама...»

После сотворения мира каждая космическая Мама
уменьшается и становится мамой-рыбкой.
Она поселяется в квартиру-аквариум.

Устраивает своё окружение и быт
и начинает свой водно-земной путь.
Окна её дома наполняются улицей, пространство комнат —
семьёй,
добрым сумасшествием наполняются будни и праздники.
Если же будни становятся слишком обычными,
она спасается от мироздания домашними делами.
И каждый вечер мама всматривается в звёзды,
чтобы напоминать себе о прежнем величии.

Всему, что она знает, её научила бабушка,
такая же космическая и сумасбродная.

А бабушку – её бабушка,
потому что мамы всегда заняты Сотворением.
И это до тех пор, пока не рождаются наследные внуки.

Когда же мама-рыбка остаётся одна,
и ей уже некого больше учить,
она оставляет свой аквариум и возвращается в космос.

«Тебя не стало навсегда...»

Тебя не стало навсегда,
зима прошла и не вернула.
Ты – умертвлённая вода,
что в глубине земли уснула.

И ты раздавлена землёй,
тебя не вычерпнуть в колодце.
И никакая наша боль
там родниковой не забьётся.

И пусть казалось никогда
тебя не сможет смыть другая —
твоеё бессмертие – вода,
но воду я преодолеваю.

«Туда, где жизнь темным-темна...»

Туда, где жизнь темным-темна,
где чёрные котлы горели,
пришла условная весна
капелью старой батареи.

А мне приснился мой бардак
и дача в сонной акварели —
куда, как в детстве на чердак
мы переехать не успели.

И ты приехать не смогла,
как не смогла другая мама.
В тени сиротского угла —
моя домашняя пижама.

Но я пижаму не любил,
хотя и словно дом жалею —
который всех нас пережил

и умер в дымчатом апреле.

Великий кастрик

Раздевание огня, пожалуй,
одно из немногих чудес
доступных человеку.
Ты создаёшь нечто живое,
а оно мёртвое
и не просто мёртвое —
оно делает по-настоящему мёртвым
то, из чего его создают,
так как ничего не оставляет,
кроме памяти и нестойкого пепла.
И наблюдая эту умиротворённую смерть,
ты может быть единственный раз
в своей жизни принимаешь
истинный порядок вещей и их конец.

Вот так и Света любила разводить огонь
в бабушкиной печи.
Любила смотреть на новое пламя
с привычным чувством умиротворения.
Когда что-то сгорало
ей почему-то становилось легче,
хотя никакой тяжести она в себе ещё не носила,
а жизнь отчего-то становилась понятней.
Себя она называла так – Великий кастрик.
Её жизнь горела в юности и в первой любви,
понятной, как первое пламя.

Наверное, так и бывает —
мы всегда мудрее до взросления,
так как именно оно выбивает из нас
нашу мудрую дурь —
мы будто падаем
и становимся взрослыми.
Разводим огонь и сжигаем мосты,
а легче уже не становится.
Потому что легче настоящего детства и его дыма
не бывают даже воспоминания.

Екатерина Кудакowa, 1987 г. р., Королёв (Московская обл.)

Согревшись

Северный ветер
шумит
в бесконечных линиях электропередач,
нависающих над просекой,
скрипит
голосами незнакомых птиц
в ветвях старых сосен,
заглядывает
в наши пустые телефоны,
чтобы увидеть
наше отражение
и забыть его,
сквозит мимо нас,
но возвращаясь,
проникает сквозь кожу,
чтобы стать
тобой или мной
на мгновение,
обмельчать
и вырваться паром дыхания,
наконец согревшись.

«А в лесу...»

А в лесу
просто
падает снег,
каркает ворон.
времени нет.

Обожжёнными пальцами

О, если бы ты смотрел на других женщин,
говорил с ними,
улыбался им,
трава под моими ногами
превратилась бы в горящий песок,
египетской пустыней укрыв всё вокруг.

Пусть высохнут грязные воды Нила,
и погибнут священные крокодилы,
если они попробуют защитить тебя
от моей любви.

Пусть песчаные бури Великой пустыни
засыпают золотые города,
где ты найдёшь своё место,
оставив меня.

О, я хотела бы стать прекрасной и настоящей,
как египетская царица —
с жёлтой короной,
с зелёным кайалом вокруг глаз,
и поверив,
что подчинила тебя своей воле,
не подчинить, а сдаться.
И преклонившись перед тобой,
коснуться
обождёнными кончиками пальцев земли
и разрушить всё.

Оставив только египетскую пустыню.

Открытка

Я влюбилась
не в тебя,
а в старый город,
с резными балконами,
осыпающейся штукатуркой,
арками-провалами
и вечнозелёным выюном
на закрытых оградах.

Я запомню
только
яркую зелень мха
под вечными магнолиями
и чёрных птиц
с шёлковыми веерами
вместо хвостов
и жёлтыми клювами.
Этих чёрных птиц,
таких похожих на торт Захер.

Ожидание

Когда поднимается в лесу ветер,
взметается вверх
по стволам
от тёплой земли,
разбрасывая листья,
переворачивая их,
выкручивая, как руки,
и, обнажая бархатную сторону,
сотканную из серебристых нитей,
мы замираем,
вглядываясь в знаки,
слушаем гул, застрявший

в верхушках хромово-зелёных сосен,
и ждём
что придёт следом —
дождь
или тишина.

Стас Мокин, 2004 г. р., Сатка (Челябинская обл.)

«сыпал сыпал сыпал снег...»

сыпал сыпал сыпал снег
мы надели шапочки
улетели ото всех
серенькие ласточки
улетели ото всех
света и алёна
и остался только снег
шум берёз и клёна
и остался только вой
волка и собаки
улетел ведь даже псой
избежавший драки
улетели шульман дудь³
и остались рощи
боженька сказал мне будь
полетели в сочи
улетели ночью мы
(в сочи – ну конечно)
ярко светится из тьмы
красная одежда
сыпал сыпал сыпал снег
мы надели шапочки
улетели ото всех
серенькие ласточки

«человек спросил у бога...»

человек спросил у бога
почему мне так убого?

«зима зима...»

зима зима
а я в кросовочках

³ Шульман Екатерина, Дудь Юрий – признаны иностранными агентами Министерством юстиции РФ.

«в наши скорбные дали...»

в наши скорбные дали
в наши сумраки дня
уносились едва ли
уносили меня
громовые оркестры
ночи тёмные сна
были так не полезны
к достижению дна
в наши пастбища думок
в наши скопища дел
уносился и сумрак
и чего ты хотел
убежал тот кто может
тот кто все это сложит
лишь в один камуфляжный мешок
мне страну эту бедную
унести не получится в рюкзаке
мысль новую скорбную
о святом дурачке
расскажи ты другому
а меня позабуди
и вот этому грому
нужен тоже не путь
а простая дорога

стариков и детей
нас всех очень немного
и долин и морей

««тебя все бросили умри и тчк»...»

«тебя все бросили умри и тчк»
то сообщение пришло под утро
на телеграмме ровной буквой
был выведен последний вздох
мне было холодно и неудобно
и я сказал что можно превратиться
в лисицу в зайца и в овцу
и я сказал что можно не влюбиться
во всех поэтов сразу без разбора
забыть перезвонить (в который раз) отцу
сгореть как шапочка горит у вора
перебежать на сторону врага

забыть о том как было плохо
и кажется в зубах застряла курага
или кусочек маленького бога

«не грусти мой милый отрок...»

не грусти мой милый отрок
доброй весточкой с полей
принесу тебе я ворох
всех берёз и тополей
и возможно в самом деле
грусть твоя пройдёт чуть-чуть
разве жить мы так хотели
просто жуть – ну просто жуть

Анастасия Палихова, 1998 г. р., Калининград

«ПОМНЮ...»

помню
в детстве я
очень любила цыплят
когда приезжала в деревню
брала их на руки и
гладила
эти тёплые жёлтые комки
эти клювики

мне было четыре

и больше я

ничего не запомнила

для этого придуманы взрослые

они рассказали
что в детстве я
очень любила цыплят
когда приезжала в деревню
брала их на руки и
сжимала так
что передушила весь выводок

это было давно

но иногда

когда я смотрю на тебя

мне почему-то страшно

«мой папа курит с пятнадцати лет...»

мой папа курит с пятнадцати лет
ни разу не пытался бросить
даже когда я родилась

я с детства помню его с сигаретой

вот я кричу

папа смотри
как высоко я лечу на качелях
какая я смелая сильная и большая
папа смотрит
в руках сигарета

вот я кричу

папа смотри
как больно я падаю
в кровь колени ладони щеки
папа смотрит
в зубах сигарета

папа уходит курить на балкон

вот я шепчу

папа смотри
я курю и мне больше не больно
папа уходит за новой пачкой

но возвращается
всегда возвращается

и тогда я говорю

папа смотри
я не курю уже три года
ой
точнее
двадцать три
он протягивает мне всю пачку
но крепко сжимает пальцы

«алла витальевна лезет в петлю...»

алла витальевна лезет в петлю
алла витальевна знает что хочет
или думает что знает что хочет
но мы тоже знаем
мы не думаем
мы развязываем узлы

вот например
на прошлой неделе
алла витальевна герц
пошла в районную поликлинику
без маски
как террорист-смертник
оказалась простуда

или вот ещё
в субботу
забыла выключить плиту
и легла на полу
пришлось отключить от газа весь дом

а вчера так вообще
поехала копать картошку на дачу
это в её-то семьсот восемьдесят лет
и с её-то сердцем
накопала целое ведро
и начала копать
что-то ещё
что было делать
сломали лопату
она руками
ну вы представляете?

обиделись
решили с ней больше
не разговаривать

«у меня есть карманный зверёк...»

у меня есть карманный зверёк

я подобрала его ещё в детстве на улице
он так жалобно поскуливал
вы бы тоже не прошли мимо

иногда он совсем крохотный
не больше спички только пушистый
и кусает почти не больно
главное выворачивать карманы при стирке

иногда он становится больше
и я выгуливаю его на поводке
из своей нервической улыбки
он часто убегает вперёд

и тогда поводок натягивается
и я могу смеяться даже когда плачу

на персика/бобика/бублика он не откликается
ехидно щурит глаза на шарика
зато поднимает уши на слово тревога
я это узнала путём простого перебора
и нескольких психологических консультаций

когда он становится совсем большим
можно спать укрывшись его хвостом с кисточкой
и просыпаться совсем необязательно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.